

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ЧЕМ ЖЕ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БЫЛА РЕФОРМАЦИЯ В ГЕРМАНИИ?

С. М. Стам

Изучение истории Реформации в Германии представляет немало различных трудностей. Но едва ли не главная из них состоит в том, что это крупнейшее общественное движение, похожее на ряд последующих событий, стоявших на рубеже нового времени, вместе с тем содержит столько типично средневековых черт, что, кажется, целиком еще принадлежит предшествующей эпохе. Оно полно противоречий. И, очевидно, для того, чтобы правильно понять социальный смысл и историческое место Реформации, ее нужно рассматривать во всей совокупности этих противоречий, не вырывая из общего контекста ту или иную отдельную сторону и стараясь найти главное и коренное, что лежало в основе всей сложности сплетения общественной борьбы и определяло собою ее сущность.

Подойдя к вопросу именно таким образом, подвергнув материалистическому анализу весь комплекс важнейших событий той эпохи, Маркс и Энгельс пришли к выводу, что Реформация в Германии была первой битвой буржуазии против феодализма, наиболее ранней буржуазной революцией. Эта концепция основоположников марксизма была воспринята советскими историками.

О. Г. Чайковская в своей статье («Вопросы истории», 1956, № 12) предприняла попытку пересмотреть эту точку зрения как несостоятельную. Против этого выступили М. М. Смирин и А. Д. Эпштейн («Вопросы истории», 1957, №№ 6 и 8). Однако следует отметить, что последние касаются взглядов О. Г. Чайковской лишь частично: М. М. Смирин основное внимание уделяет проблемам предреформационной экономики Германии, а А. Д. Эпштейн главным образом развивает собственное понимание Реформации.

Настоящая статья ставит своей задачей, исходя из марксистско-ленинской концепции Реформации в Германии, рассмотреть основные моменты ошибочной, на наш взгляд, схемы О. Г. Чайковской, а также некоторые положения, выдвинутые в ходе дискуссии.

По мнению О. Г. Чайковской, в Германии XVI в. не могло быть буржуазной революции, потому что там еще не было того экономического конфликта, который лежит в основе всякой буржуазной революции.

Мы здесь не станем рассматривать степень зрелости капиталистического уклада в экономическом развитии Германии перед Реформацией. В статьях М. М. Смирин, А. Д. Эпштейна, а также Ю. М. Григорьяна («Вопросы истории», 1958, № 1) этому вопросу уделено много внимания. Несомненно, эта область еще ждет серьезных марксистских исследований. Но уже и сейчас невозможно отрицать развития капиталистического уклада в предреформационной Германии.

Собственно, этого не отрицает и О. Г. Чайковская (стр. 129, 142). Тем не менее она считает, что незрелость капиталистического уклада в Германии XVI в. не позволяет допустить возможности революционного конфликта в ее экономике. Но исторический опыт, обобщенный марксистско-ленинской теорией, учит, что необходимой предпосылкой буржуазной

революции является наличие более или менее готовых форм капиталистического уклада. Германия в этом отношении отнюдь не была исключением. Не следует преувеличивать степень зрелости капитализма накануне буржуазной революции не только в Нидерландах XVI в., но и в Англии XVII в.: элементы и формы капиталистического уклада находились и здесь лишь в процессе вызревания и роста¹.

В экономическом отношении Германия в начале XVI в. не была самой передовой страной, но она не была и самой отсталой². Зато нигде в Европе общественные противоречия не достигали в ту пору такой остроты, как в Германии. Экономическая, социальная и политическая жизнь страны была вопиющим противоречием. Товарное производство в городах достигло очень высокого уровня развития, цеховой строй разлагался, складывались капиталистические формы эксплуатации и производства (рассеянная и централизованная мануфактура), масса мелких ремесленников становилась добычей скупщиков и кучки богатых мастеров некоторых цехов, все более перерождавшихся в капиталистов-предпринимателей, которые лишь прикрывались старыми цеховыми вывесками. Страна принимала живейшее участие в европейской и даже внеевропейской торговле, в отдельных городских центрах образовались колоссальные денежные капиталы (равные им едва ли имелись в других странах), игравшие большую роль в международных банковских и торговых операциях.

И вместе с тем все это развитие происходило в тесных рамках обособленных городов и их территорий, в мелких княжествах и графствах, отделенных и перегороженных всевозможными пограничными, провозными и другими старофеодальными пошлинами, при отсутствии такого элементарного условия развития торгового оборота, как единство монеты, мер и весов, в обстановке отсутствия какого-либо правопорядка и даже элементарной безопасности (рыцарский и нерыцарский разбой на дорогах был обычным, почти повседневным явлением). Княжеская раздробленность душила экономическое развитие страны.

В деревне крестьяне, в основной своей массе давно уже свободные от личной зависимости, в условиях длительного господства денежной ренты сделались мелкими товаропроизводителями. Их хозяйство было теснее связано с рынком, чем с поместьем. Крестьянин привык считать себя владельцем своего участка и произведенного на нем продукта.

В этих условиях наступившая феодальная реакция — ухудшение условий держания, захват общинных угодий, навязывание крестьянам уже забытой личной зависимости, восстановление и увеличение барщины и других архаических форм эксплуатации, ограничение свободы крестьянина распоряжаться произведенным продуктом, прямое нарушение его рыночных связей — должна была до крайности обострить основной классовый антагонизм в деревне, сделать феодальный гнет совершенно нестерпимым для крестьян.

Само по себе это не могло еще привести к буржуазной революции, если бы в городе не складывались новые формы экономических отношений и он не стал очагом острого антифеодального недовольства. Но, как было отмечено выше, городское развитие в эту пору также упиралось в стену феодального господства, мелкодержавной раздробленности и безжалостного обирательства. Княжеское самовластье, произвольное налогообложение, деспотизм патрициата, бесконтрольно правившего в большинстве крупных городов, попирая права и интересы массы городского населения, новые акцизы, пошлины, монополии, ненасытное вымогательство

¹ См. «Английская буржуазная революция XVII века». Т. I. Под редакцией Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. М. 1954, стр. 23—68.

² Некоторые отрасли производства в отдельных районах страны значительно шагнули вперед, но наряду с этим имелись крайне отсталые районы. А главное, развитие капиталистического уклада в промышленности еще отставало, например, от Нидерландов.

со стороны церкви, пользовавшейся всевозможными привилегиями за счет горожан, — все это пробуждало не только в плебейских массах, но и в широких слоях бюргерства острейшее недовольство. Оно все чаще прорывалось в открытых городских восстаниях, которыми полно начало XVI века.

В Германии начало капиталистического развития связало воедино целый узел скопившихся противоречий, какого не было в других странах Западной Европы. Вот почему именно Германия, в то время не самая передовая по уровню развития страна, стала ареной первой в Европе буржуазной революции. Правда, эта революция должна была разразиться в условиях незрелости буржуазии, которая еще только становилась классом в строгом смысле этого слова. Немецкое бюргерство еще мало годилось для роли вождя антифеодальной революции. Особенности исторического развития Германии выдвигали на первый план широчайшие массы крестьянства. Назревавшая революция должна была явиться по преимуществу крестьянской буржуазной революцией. В великом антифеодальном восстании крестьянства в 1525 г. история предоставила немецкому бюргерству блестящую возможность для объединения и буржуазного преобразования страны. От широты политического кругозора бюргерства, от его готовности пойти на союз с массами и возглавить их борьбу, от смелости и решительности бюргерства зависело превращение этой возможности в действительность³.

Среди доказательств О. Г. Чайковской существенное место занимает тезис о незаинтересованности немецкого бюргерства в революции (1956, № 12, стр. 130, 135, 137, 138). При этом автор подчеркивает, что немецкое бюргерство было занято только борьбой против церкви (там же, стр. 135, 137, 143).

Но так ли дело обстояло в действительности? Известно, что за Лютером пошло консервативное большинство бюргерства. Однако в немецком бюргерстве были и передовые элементы, которые вызревали в нем еще до Реформации. Два документа предреволюционной общественно-политической мысли «Реформация императора Сигизмунда» и «Реформация Фридриха III» неопровержимо свидетельствуют о том, что в немецком бюргерстве были живые силы. Для них «реформация» (и таков был первоначальный смысл этого слова) означала программу отнюдь не только церковного, но именно социального и политического преобразования страны.

Но бюргерство не ограничивалось выработкой программы. Оно переходило к активным действиям. Движение немецкого бюргерства усиливается в последнее двадцатилетие XV в., восстания происходили в Гамбурге, Брауншвейге, Ростокке и некоторых других городах. Еще выше поднялась волна городских восстаний накануне Реформации. К сожалению, у нас они остаются еще совершенно не изученными. Восстания 1509 г. в Эрфурте, 1512 г. в Шпейере и Регенсбурге, 1513 г. в Кельне и Брауншвейге и ряд других, участие бюргерства в предреформационной борьбе немецкого крестьянства — в заговорах «Башмака» и особенно в вюртембергском восстании «Бедного Конрада» в 1514 г. — знаменуют новый этап борьбы немецкого бюргерства. И здесь еще преобладает местная ограниченность, порой проявляются старые цеховые тенденции, очень большое место занимает борьба против католического духовенства, его власти и привилегий, но все большую роль в движении играют теперь коренные социальные противоречия эпохи⁴.

³ Й. Малец («Вопросы истории», 1958, № 3) справедливо упрекает О. Г. Чайковскую в механическом понимании связи между экономикой и революцией.

⁴ Об этих восстаниях, так же как и о восстаниях периода самой Реформации, см. К. Kaser. Politische und soziale Bewegungen im deutschen Bürgertum zu Beginn des 16. Jahrhunderts. Stuttgart. 1899.

Новые восстания бюргерства произошли в ряде городов Германии вслед за выступлением Лютера. Они обычно назывались «евангелическими» переворотами и были направлены главным образом против католического духовенства. Но как ни слабо они исследованы, несомненно, что в этих восстаниях, где нередко обильно лилась кровь, бюргерство выступало не только за переустройство церкви, но и за оттеснение от власти патрициата, за участие в городском управлении. Можно ли всю эту борьбу уложить в прокрустово ложе «борьбы против церкви»? Энгельс определил политическую позицию бюргерства как конституционную, но не как чисто антицерковную⁵.

Во время Крестьянской войны движение в городах поднялось с новой силой. Происходили многочисленные восстания, и подталкиваемое плетейством бюргерство в ряде городов, особенно в мелких, пошло на союз с восставшим крестьянством⁶.

В борьбе этого бюргерства еще было много старого, средневекового. Его политические притязания очень часто не выходили за пределы городских стен, за рамки местных интересов. В целом оно оказалось не в состоянии возвыситься до понимания своих общенациональных задач. Немецкое бюргерство в целом заняло половинчатую, нерешительную, предательскую позицию в отношении крестьянства. Пагубное значение имело позорное, открыто карательское выступление Лютера против крестьян. За ним пошло консервативное большинство бюргерства, которое тем самым предало князьям не только народное, но и свое собственное движение.

Тем не менее и тогда в отдельных районах под непосредственным воздействием революционного крестьянства бюргерство оказалось способным не только на большие городские восстания (отнюдь не «чистоцерковного» характера), но наиболее смелая и передовая его часть, пошедшая на союз с восставшим крестьянством, сумела выдвинуть программу общенационального преобразования Германии.

В связи с этим следует отметить, что О. Г. Чайковская рассматривает Гейльброннскую программу как документ, чуть ли не враждебный капиталистическому развитию, только на том основании, что в ней содержится пункт, требующий ограничения капитала крупных компаний (1956, № 12, стр. 142). Ф. Энгельс, как известно, оценивал Гейльброннскую программу совершенно иначе. Он видел в ней выражение своеобразной средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации и предвосхищение современного буржуазного общества, выражение не текущих требований бюргеров, а их конечных интересов⁷. Таким образом, не может быть сомнения, что, с точки зрения Энгельса, Гейльброннская программа, при всей ее непоследовательности и незрелости, была программой буржуазного (а не какого-то «бюргерского») преобразования Германии.

Так можно ли при всем этом утверждать, что бюргерство не было заинтересовано в революции? И объективный анализ экономического и политического положения Германии перед Реформацией, и предреформационные бюргерские памфлеты-программы, и городские восстания, и

⁵ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат. 1952, стр. 27.

⁶ См. В. В. Стоклицкая-Терешкович. Ротенбургское восстание 1525 года. «Исторические записки», № 2; е е ж е. Немецкий город в эпоху Великой крестьянской войны. «Вестник Московского университета». 1950, № 4.

Выдвинутые восставшими бюргерами Франкфурта-на-Майне программные требования, так называемые Франкфуртские статьи, получили широкое распространение в городах вниз по Рейну, вплоть до Кельна и Мюнстера. См. К. Kaser. Указ. соч., стр. 186. В Австрии, в Тироле, бюргерство сумело преодолеть местную ограниченность и нашло в себе силы поддерживать (значительно последовательнее, чем в Западной Германии) крестьянскую борьбу и выдвинутые крестьянством социально-экономические программные требования.

⁷ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 87.

Гейльброннская программа с несомненностью свидетельствуют, что бюргерство тяжело страдало от феодального гнета, который душил его хозяйственную деятельность, что борьба против феодальной системы, господствовавшей в Германии в наиболее архаических формах, была насущной задачей немецкого бюргерства.

Разумеется, при этом следует иметь в виду, что большинство бюргеров не осознало своих задач. Даже те из них, кто ставил эти задачи, рассчитывали решить их не только с помощью крестьянства, но и за его счет. Бюргерство в целом, как перед Реформацией, так и во время революции, обычно занимало нерешительную, половинчатую и предательскую в отношении масс позицию. Но это, очевидно, говорит лишь о том, что нельзя смешивать объективное положение данного класса, его объективные потребности и занятую им субъективную позицию. Энгельс выразил это очень четко и ясно: первая крупная битва европейской буржуазии против феодализма, так называемая Реформация в Германии, потерпела поражение «вследствие нерешительности наиболее заинтересованной партии, городской буржуазии»⁸.

В. И. Ленин указывал, что в классовых интересах буржуазии коренится ее стремление «...закончить буржуазную революцию на полпути, на полусвободе, на сделке со старой властью и с помещиками»⁹. Непоследовательность, своекорыстие буржуазии, ее стремление ограничить революцию в большей или меньшей мере проявились во всех буржуазных революциях¹⁰. В поведении немецкого бюргерства во время Реформации эти черты, несомненно, сказались с особенной силой. Но это и понятно. Это был класс буржуазии на самой ранней ступени своего развития, в самой ранней из буржуазных революций.

Нужно ли доказывать, что непонимание буржуазией ее задач, ее неумение или нежелание возглавить буржуазную революцию еще отнюдь не может служить основанием для отрицания объективной возможности или буржуазного характера революции. История знает такого рода революции, и они не перестают считаться буржуазными. Можно ли, например, утверждать, что революция 1848 г. в Пруссии, в которой буржуазия играла подлую, угодническую в отношении монархии роль¹¹, не была буржуазной революцией? Или и в середине XIX в. буржуазная революция в Пруссии все еще была объективно невозможна?

Вообще вопрос о соотношении объективного и субъективного факторов в революции остался для О. Г. Чайковской совершенно неясным.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. Госполитиздат. 1952, стр. 94.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 298.

¹⁰ Разве можно сказать, что, например, нидерландская буржуазия в XVI в. или английская в XVII в. проявила заинтересованность в полной ломке старых феодальных отношений и последовательно ее осуществляла? Разве не сохранила она, где могла, и некоторые формы феодальной зависимости крестьянского владения, и монархии, и более или менее подневенной церкви? Разве не обращалась то тут, то там к подавлению движения масс, направленного на действительное завершение ломки старого порядка? И даже в «классической» буржуазной революции во Франции XVIII в., где буржуазия была наиболее смела и революционно активна, — разве в ней буржуазия выполнила все стоявшие перед революцией задачи? Разве не благодаря лишь решающему участию масс эта буржуазная революция в большей мере, чем какая-либо другая, была доведена до конца? Именно об этом писал Энгельс в своем предисловии к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». Ленин же считал, что «во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь 1871-ым годом...» (В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 182).

И, тем не менее, все это ни в какой мере не ставит под сомнение буржуазную природу ни нидерландской, ни английской, ни французской революций: она определялась объективным содержанием этих социальных переворотов, направленных против феодализма.

¹¹ Маркс писал о роли буржуазии в этой революции: «Буржуазия палец о палец не ударила. Она позволила народу сражаться за нее» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. Госполитиздат. 1952, стр. 41).

А итогом ее, в сущности, объективистского подхода к проблеме Реформации явилось фактическое оправдание той трусливой и предательской роли, которую сыграло в этой революции немецкое бюргерство и которую заклеймил Энгельс.

Ю. М. Григорьян по основному вопросу — об исторической сущности Реформации в Германии — разделяет точку зрения О. Г. Чайковской. Он возражает лишь против недооценки уровня экономического развития Германии в XV—XVI вв. и доказывает, что в стране (особенно в горной промышленности) шло развитие капиталистических форм производства. Но ведь этого не отрицает и О. Г. Чайковская. Она лишь считает, что на такой ранней стадии развития капитализма буржуазная революция не могла возникнуть и что, следовательно, Реформация в Германии не была «настоящей» буржуазной революцией. А в этом коренном пункте Ю. М. Григорьян полностью с ней согласен (1958, № 1, стр. 138—139). Он, подобно О. Г. Чайковской, видит доказательство неполноценности германской Реформации как буржуазной революции в том, что борьба здесь, сообразно духу времени, велась в религиозном облачении. Но ведь известно, что под религиозными знаменами прошла не только германская, но и нидерландская и английская революции. Или они тоже должны быть признаны «ненастоящими»?

Мы этим отнюдь не хотим отрицать больших различий в ходе и исходе этих трех революций. Каждая из них по сравнению с предыдущей представляла собою более высокий этап развития буржуазной революции. Но очевидно, что «религиозное облачение» не отделяет Реформацию от других ранних буржуазных революций, а, наоборот, объединяет с ними.

Желая во что бы то ни стало опровергнуть представление о Реформации как о ранней буржуазной революции, О. Г. Чайковская выступает с критикой работ известного историка М. М. Смириня. Критика эта вытекает из всей концепции О. Г. Чайковской и остается, на наш взгляд, столь же неубедительной, как и сама концепция. Но в отдельных случаях О. Г. Чайковской удается, как нам кажется, обнаружить слабые стороны во взглядах М. М. Смириня. Дело в том, что концепция Энгельса о германской Реформации как ранней буржуазной революции, принятая М. М. Смириним в целом, не всегда проводится в его работах с должной последовательностью. Местами он отступает от нее. Весьма примечательно, что О. Г. Чайковская порицает М. М. Смириня за то правильное, что содержится в его взглядах, и хвалит за элементы непоследовательности.

Эта непоследовательность проявилась еще в первом издании капитальной работы М. М. Смириня «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война» (М. 1947). Отдельные моменты показывали, что автор склонен отрывать Крестьянскую войну от Реформации в целом и что, соответственно, под Реформацией автор понимает не всю революцию, а, по сути дела, только религиозно-идейное движение; и потому оказывается, что Крестьянская война развернулась лишь «на фоне» Реформации. Само понятие народной Реформации им истолковывается узко — лишь как обозначение идеологии революционных масс¹². Такое выделение Крестьянской войны из Реформации приводит к толкованию ее в качестве дела чисто крестьянского, постороннего основному общественному движению эпохи, и необходимо ведет к принижению ее исторической роли. В действительности антифеодалная борьба крестьян составляла подоснову, стержень и решающую силу всего того большого

¹² См. в связи с этим С. М. Стам. О некоторых вопросах истории Реформации и Крестьянской войны в Германии. «Ученые записки» Саратовского государственного университета. Т. XXXIX, 1954.

общественного движения, которое вошло в историю под именем Реформации.

Во втором издании монографии о Мюнцере (М. 1955) М. М. Смирин многое в этом отношении исправил и улучшил. Но свойственная взглядам автора известная непоследовательность, к сожалению, осталась. Хотя во втором издании приведены слова Энгельса о Реформации как наиболее ранней в Европе буржуазной революции и о Крестьянской войне как ее кульминационном пункте и в ряде случаев автор правильно трактует принципиальные вопросы Реформации, тем не менее и здесь он склонен видеть буржуазную революцию только в Крестьянской войне (стр. 51, 550) или только в борьбе крестьянско-плебейского лагеря (стр. 10). Реформация же трактуется как область чисто идеологической борьбы. Поэтому речь идет то о «связи реформационного движения с Крестьянской войной» (стр. 24), то о некоем «лагере Реформации», в отличие от народной революции (стр. 551). Соответственно и народная Реформация понимается как чисто идейное явление (стр. 252).

Те же черты проявились и в написанной М. М. Смириним главе II тома учебника «История средних веков» (М. 1954). И здесь не дается ясного ответа на вопрос, что же нужно понимать под словом Реформация. То оно как будто употребляется для обозначения всей революции (правда, автор старается избегать этого слова), то для обозначения только идейных явлений и преимущественно лютеровской идеологии церковной реформы («использование реформации в интересах революционного народного движения», стр. 83).

Это тем более досадно, что в вышедшей двумя годами раньше интересной и содержательной работе М. М. Смириня «Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией» мы видим глубокое и цельное толкование исторического смысла событий Реформации и предреформационной борьбы немецкого крестьянства.

Защищая М. М. Смириня от упреков в том, что он отрывает Крестьянскую войну от Реформации в целом, О. Г. Чайковская спешит представить как будто свое, а на самом деле старое-престарое либеральное понимание Реформации как бюргерско-лютеровского движения против католической церкви, содержавшего также известные социальные и политические моменты. И автор тут же открыто заявляет, что, по ее убеждению, Крестьянская война лишь совпала с Реформацией (1956, № 12, стр. 142). И далее: «Крестьянская война не есть составная часть буржуазной революции» (там же, стр. 143). Нетрудно видеть, что, не называя Энгельса, О. Г. Чайковская возражает именно против его понимания Крестьянской войны как кульминационного пункта Реформации — «буржуазной революции № 1».

Отвергая правильные, марксистские принципы понимания Реформации, которые содержатся в работе М. М. Смириня о Мюнцере, О. Г. Чайковская вместе с тем утверждает, что решение этих принципиальных вопросов «не связано органически» с основной темой его исследования (там же, стр. 138). Нужно ли доказывать, что историческое место и значение идеологии и деятельности Мюнцера в Реформации не могут быть правильно раскрыты вне ясного и последовательного марксистского понимания сущности всей Реформации. Ведь если Реформация не была буржуазной революцией, если антифеодалная революция в Германии того времени была невозможна, то Мюнцер превращается в того беспочвенного мечтателя, каким его всегда стремились представить буржуазные историки. Но Энгельс причислял Мюнцера к тем славным борцам немецкого народа в прошлом, «которые сражались за реальные вещи, а не за иллюзии»¹³.

Едва ли М. М. Смирин нуждается в такой «защите».

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V. Изд. 1-е, стр. 17.

Четкому уяснению марксистско-ленинского понимания Реформации в нашей исторической литературе еще мешают остатки представлений о Реформации как чисто религиозном, во всяком случае идеологическом явлении. Представления эти идут от буржуазной историографии.

Бюргерская реформация — действительно прежде всего церковная, и у Лютера — только церковная. Но лютеровской программой реформации не исчерпывалась вся Реформация. Такое *pars pro toto* совершенно произвольно.

С точки зрения Энгельса, Реформация по своей сущности отнюдь не была каким-то специфическим церковным движением. То была борьба бюргерства против феодального дворянства, один из этапов этой борьбы. «Когда это бюргерство достаточно окрепло, его борьба с феодальным дворянством, имевшая до тех пор по преимуществу местный характер, начала принимать национальные размеры. Первое крупное выступление произошло в Германии — так называемая реформация»¹⁴.

Важно отметить, что во времена Реформации самое это слово не имело специфически церковного значения. Если церковные соборы XV в. помышляли осуществить «реформацию всей церкви во главе и членах» («*reformatio totius ecclesiae in capite et in membris*»), то, с другой стороны, это же слово в то время широко применялось к явлениям отнюдь не церковным. «Реформациями» назывались неоднократные в XV в. законодательные попытки императорской власти ограничить политическую самостоятельность князей, установить «земский мир» и т. д., то есть реформировать политический строй империи, а также весьма распространенные в то время проекты политических и социальных преобразований, исходившие из оппозиционных кругов немецкого общества. Таковы «Реформация императора Сигизмунда» и «Реформация Фридриха III». Гейльброннская программа, как известно, также называлась «реформацией».

Очевидно, как перед Реформацией, так и во время нее под этим словом подразумевались какие-то более или менее радикальные преобразования в социальной и политической области, а отнюдь не специально в церковной.

Народные массы ожидали от Реформации свержения ненавистного феодального гнета, они, в сущности, понимали ее как социальную революцию. Но революционные силы в Реформации потерпели поражение, а приспособившаяся к интересам князей лютеровская церковная реформация вышла «победительницей». И немецкое бюргерство превознесло ее как единственно подлинную Реформацию. Бюргерство не выполнило стоявших перед ним революционных задач, а его ученые потомки стали доказывать, что, кроме борьбы с церковью, никаких иных задач перед бюргерством и не стояло. То, что выходит за рамки этой бюргерско-княжеской церковной реформы, — все что угодно, но только не Реформация.

Поэтому отрыв Крестьянской войны 1525 г. от Реформации — отличительная черта всей буржуазной историографии. Эту же линию проводит и О. Г. Чайковская¹⁵.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 379.

¹⁵ Насколько живучи такого рода представления, можно видеть из того, что даже И. Маецк в своей глубокой, содержательной статье не избежал их влияния. Реформация, по его мнению, выражала вступление бюргерства в борьбу против идеологии католической церкви (1958, № 3, стр. 120). В другом месте он определяет Реформацию как идеологическое выражение Крестьянской войны (стр. 117). Опять-таки Реформация ограничивается чисто идеологической областью; вместо самого общественного движения речь идет лишь о реформационных учениях. Но можно ли признать реформационное учение Лютера идеологическим выражением Крестьянской войны? Вместе с тем в само понятие Крестьянской войны И. Маецк, видимо, вкладывает иное, более широкое содержание. Его соображения о необходимости расширения хро-

В противоположность буржуазным историкам Энгельс, говоря о Реформации, имеет в виду не только то, что получилось в результате, не ту бюргерско-княжескую реформу, что утвердилась в итоге, не «официальную реформацию», а прежде всего то огромное общественное движение, которое охватывало отнюдь не только бюргерство и решающей силой которого было крестьянство. Лютеровская церковная реформа — лишь часть этого общего движения, причем часть наиболее умеренная. Она была в действительности только политической программой консервативного большинства немецкого бюргерства в Реформации, программой, отразившей его трусливость и классовую незрелость, его предательскую роль в ранней буржуазной революции. А «победа» лютеровской церковной реформы означала жалкий, ублюдочный конец потерпевшей поражение революции¹⁶.

К сожалению, в рамках настоящей статьи мы не имеем возможности подробно рассмотреть концепцию Маркса и Энгельса по интересующим нас вопросам. Ограничимся лишь несколькими замечаниями. В ходе дискуссии приводилось достаточно много высказываний Энгельса, которые не оставляют сомнения в том, что в германской Реформации он видел буржуазную революцию. Но при этом Энгельс учитывал всю противоречивость этой самой ранней буржуазной революции, совершавшейся при условиях, когда класс буржуазии еще не созрел для осознания своих задач и открытого завоевания власти, когда идейная революция была первейшей задачей, дальше которой во многих странах буржуазия и не сумела пойти,— итогом общественной борьбы там явились лишь религиозно-политические преобразования.

Отсюда та характеристика лютеранской и кальвинистской реформации, из которой Ю. М. Григорьян сделал вывод, будто под Реформацией Энгельс понимал лишь победу новой религии (1958, № 1, стр. 139). Но неужели можно предположить, что, с точки зрения Энгельса, Крестьянская война была критическим энзимом в борьбе за новую религию? Ответ на этот вопрос ясен для всякого, кто хоть раз внимательно прочитал «Крестьянскую войну в Германии».

Первый натиск буржуазии против феодализма в разных странах проявился по-разному. В Германии, во всяком случае, с ее грандиозным крестьянским восстанием борьба вылилась в открытую революцию. Энгельс прямо поставил эту революцию в один ряд с буржуазными революциями в Англии XVII в. и во Франции XVIII в. и сделал из этого сопоставления важнейшие политические выводы о роли масс в буржуазных революциях¹⁷. Эту оценку Реформации в Германии как первой из трех «великих буржуазных революций старых времен» и выводы Энгельса целиком разделял В. И. Ленин, смело сопоставлявший с далекой революцией XVI в. исторический опыт первой русской революции¹⁸.

Разгадка особенностей германской Реформации как буржуазной революции состоит не в выделении ее в качестве некой особой, «бюргер-

нологических рамок революционного периода в Германии XVI в. очень интересны и во многом убедительны. Но едва ли можно согласиться с включением Мюнстерской коммуны в понятие Крестьянской войны (стр. 121). В том-то и дело, что 1517—1535 гг. или близкие даты — это исторические грани всей революции, в которой Крестьянская война 1524—1527 гг. была решающим, кульминационным моментом,— это грани Реформации.

¹⁶ Немецкий историк-марксист Альфред Мойзель также рассматривает все общественное движение в Германии между 1517 и 1525 гг. как раннюю буржуазную революцию. Он решительно отвергает отрыв Крестьянской войны от церковной реформации. В действительности выступление Лютера и Крестьянская война были «двумя этапами одного и того же общественного движения». См. A. Meusel. Thomas Müntzer und seine Zeit. Berlin. 1952, S. 39—41.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 94—95, 97, 379—380.

¹⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 43—44.

ской» революции (такая вообще невозможна), а в учете всей ее противоречивости как наиболее ранней, наименее зрелой из буржуазных революций, в том единственно правильном историческом подходе к проблеме буржуазной революции, на необходимость которого справедливо указывает И. Мацек (1958, № 3, стр. 115): подход этот состоит в том, чтобы не забывать, что самый тип буржуазной революции исторически развивался¹⁹.

Особо следует остановиться на некоторых, по нашему мнению, ошибочных моментах в статье А. Д. Эпштейна (1957, № 8). Они представляют собою своеобразную концепцию, которая сводится в основном к следующему. В начале XVI в. Германия действительно пережила буржуазную революцию. Капиталистическое производство и обращение достигли в стране значительного развития. Но носителем этого роста и буржуазного прогресса вообще было не бюргерство, а торгово-ростовщические монополии типа Фуггеров. Они же были главной общественной силой, стремившейся к политическому объединению страны. Интересы же бюргерства были цеховыми, локально-ограниченными, антикапиталистическими; в целом это была реакционная сила. Трудящиеся массы, по А. Д. Эпштейну, «всего менее помышляли о производительных силах» (1957, № 8, стр. 140) и были резервом реакционного бюргерства. Прогрессивные монопольные компании были тесно связаны с императорской властью — носительницей единства Германии. Поражение императора в борьбе с лютеранскими князьями, а не поражение восставшего крестьянства означало гибель всей революции, торжество реакции.

Но правильны ли исходные пункты этого построения?

А. Д. Эпштейн приводит данные о значительной роли крупнейших аугсбургских торговых домов в развитии капиталистического производства, преимущественно в горном деле, в начале XVI века. Эта роль не столь уж значительна, но в общем она не подлежит сомнению. Но разве одних этих данных достаточно для того, чтобы судить о действительной экономической и социальной природе этих компаний? В научной литературе давно уже выяснено, что основными объектами деятельности Фуггеров, Вельзеров, Гошпеттеров и им подобных были торговля и ростовщичество.

Несомненно, в условиях первоначального накопления деятельность этих купеческих компаний играла известную положительную роль, но не она была главным каналом развития капиталистического уклада. А чем дальше, тем больше эти средневековые монополии становились тормозом развития конкуренции и капиталистического предпринимательства. Именно стремление к торговой монополии и ростовщические интересы привели к сближению Фуггеров с императорской властью и с римским папством. Прямым следствием деятельности Фуггеров в качестве финансистов «апостольского престола» было их участие в торговле индульгенциями и высокими церковными должностями, а их производственная деятельность в горном промысле в значительной степени была побочным продуктом их ростовщических сделок с Габсбургами. Венценосные должники давали Фуггерам в обеспечение своего долга права на длительное пользование добычей серебряных и иных рудников. Равнодушные к производству кредиторы, первоначально ограничивавшиеся лишь скупкой продукции опять-таки в целях монопольной торговли, затем увидели, что более выгодно помещать свои капиталы в самый процесс производства, а это ускорило его капиталистическую перестройку²⁰.

¹⁹ Более подробное рассмотрение концепции Реформации у Маркса и Энгельса см. С. М. Стам. Указ. соч.

²⁰ Правда, и в этом случае нередко, как это было, например, в Тироле, Фуггеры в течение десятилетий ограничивались скупкой готовой продукции у авансированных мел-

Но даже и тогда вложения в производство составляли незначительную часть всего капитала Фуггеров и не меняли общего торгово-ростовщического характера их деятельности²¹. А затем и эти вложения систематически сокращались, и довольно скоро Фуггеры вообще забросили производственную деятельность, целиком вернувшись к торговле и ростовщичеству.

А. Д. Эпштейн видит особенно убедительный аргумент в пользу прогрессивной роли Фуггеров и им подобных банкирских домов в том, что они развивали производительные силы. Но при этом он обходит вопрос о том варварском разрушении производительных сил, которое обычно являлось итогом их производственной деятельности. Так, пришли в упадок и были заброшены Фуггерами многие рудники в Тироле. А знаменитые ртутные рудники Альмадены были ими затоплены и разрушены до такой степени, что в то время не представлялось возможным их восстановить. Производственные интересы этих компаний были целиком подчинены интересам ростовщичества и монопольной, спекулятивной торговле. Яркое тому свидетельство — фуггеровская афера с монопольной скупкой меди и ртути.

Монопольным торгово-ростовщическим компаниям как силе буржуазного прогресса А. Д. Эпштейн противопоставляет бюргерство как оплот цеховых и партикуляристских устремлений, как реакционную силу — союзника феодалов. При этом для него, подобно О. Г. Чайковской, достаточным основанием здесь служит наличие в бюргерских программах антимонопольных требований. Так попадает в разряд реакционных программ «Реформация императора Сигизмунда», требовавшая отмены крепостного состояния и важнейших феодальных повинностей крестьянства и выдвигавшая задачу политического объединения страны путем открытого народного восстания (1957, № 8, стр. 140). К тому же разряду отнесена, по сути дела, и Гейльброннская программа (там же, стр. 134).

Точка зрения А. Д. Эпштейна в отношении немецкого бюргерства близка взглядам О. Г. Чайковской по тому же вопросу. Оба эти автора считают, что немецкое бюргерство не было заинтересовано в революции. В работах В. В. Стоклицкой-Терешкович и В. А. Ермолаева показано (эту область исследования можно считать еще только затронутой), как тяжело страдало мелкое бюргерство XVI в. от постоянного феодального гнета и феодальной реакции, охватившей в значительной степени и города. Мелкоремесленная масса страдала и от развивавшегося капитализма и порой выступала против него с отдельными реакционными требованиями. Так, ремесленники ряда городов хотели восстановить цехи или получить право их создания. Но не эти отдельные, так сказать, антикапиталистические моменты определяли позицию городских низов в коренном социальном конфликте эпохи.

В развернувшейся антифеодальной революции бюргерство не только выступало против феодальной церкви, но и принимало активное участие в городских восстаниях и нередко вместе с плебейством, особенно в маленьких городах, поддерживало восставшее крестьянство. Эти восстания часто носили локальный характер, политическая позиция бюргерства страдала конституционностью, а своих союзников — крестьян — бюргеры порой бросали в самый решительный момент. Именно поэтому Энгельс назвал позицию бюргерства в Крестьянской войне двусмысленной и даже

ких производителей. См. Е. К. Некрасова. Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров. Сборник «Из истории западноевропейского феодализма». М.-Л. 1934, стр. 99. Мы отнюдь не во всем согласны с автором этой работы, но важнейшие ее выводы, основанные на анализе фактического материала, безусловно, заслуживают внимания.

²¹ Так, по данным 1546 г., в горное дело Германии Фуггеры вкладывали 9% своего капитала (там же, стр. 81).

предательской. Но он никогда не считал ее реакционной и не причислял бюргерство к феодальному лагерю²².

Борьбой против феодальной церкви нельзя было ограничить задачи революции. В этом ограничении — незрелость и консерватизм большинства немецкого бюргерства. Но Энгельс вместе с тем высоко в своих работах оценивает значение развернутой бюргерством борьбы против феодального католицизма, подчеркивает ее антифеодальную сущность и большое значение на первом этапе революции. Но А. Д. Эпштейн лютеровское церковно-реформаторское движение либо полностью игнорирует, либо дает понять, что считает его реакционным с самого начала (1957, № 8, стр. 123).

Доказательство феодальной реакционности немецкого бюргерства А. Д. Эпштейн видит в антикрестьянской политике имперских городов XV века. При этом он обходит тот общеизвестный факт, что в подавляющем большинстве имперских городов в ту пору у власти стоял патрициат, а отнюдь не широкие слои бюргерства. Но если городские власти, как полагает А. Д. Эпштейн (там же, стр. 126), выражали волю бюргерства, то чем в таком случае объяснить прокатившиеся перед Реформацией и во время ее восстания в городах Эрфурте, Шпейере, Регенсбурге, Брауншвейге, Ротенбурге и многих других? Бюргерство в этих восстаниях выступало прежде всего против тиранического господства патрициата.

Рассматривая соотношение политических сил в городах, Энгельс пришел к выводу, что в начале XVI столетия городская община находилась в оппозиции к патрициату²³. А. Д. Эпштейн рисует прямо противоположную картину. Не приводя никаких доказательств, он утверждает, что бюргерство властвовало в «вольных коммунах» Германии уже в XV в. (1957, № 8, стр. 126). Противоречивость трактовки А. Д. Эпштейном вопроса о немецкой буржуазии не может не броситься в глаза. Соглашаясь с Энгельсом, что в XVI в. в Германии еще не было настоящей буржуазии, А. Д. Эпштейн, не замечая противоречия с самим собой, стремится доказать, что такая настоящая буржуазия уже имелась в лице монопольных компаний фуггеровского типа.

Тогда эта «истинно прогрессивная буржуазия» должна была бы и по своей экономической сущности могла стать руководителем движения, активным его участником или, по крайней мере, должна была горячо сочувствовать революции. Но, как известно, она в лице тех же Вельзеров и Фуггеров активно помогала подавлять великое народное восстание. Более того, эти монопольные торгово-ростовщические элементы, как правило, примыкали к католическому лагерю, были открыто враждебны даже реформе архиереакционной феодальной церкви²⁴. Как может А. Д. Эпштейн примирить указанное вопиющее противоречие?

Не удивительно, что в расстановке классовых сил в Реформации, которую четко определил Энгельс, не нашлось места для той мнимопрогрессивной силы, которую в лице ряда средневековых монополий видит А. Д. Эпштейн. Энгельс же отмечал действительно передовые силы (именно национальные) в иных слоях немецкого бюргерства. Это не аугсбургские монополисты, а авторы проекта буржуазного преобразования Германии, вошедшего в историю под именем Гейльброннской программы.

Но как объяснить, что до нас не дошло никакой программы объеди-

²² В доказательство совпадения интересов реакционных князей и мелкого бюргерства А. Д. Эпштейн приводит слова Энгельса: «За спиной мелких князей 1525 г. стояло мелкое бюргерство...». Но разве Энгельс этим хотел сказать о совпадении интересов? Как же А. Д. Эпштейн объяснит слова, стоящие несколькими строками ниже: «А за спиной крупной буржуазии стоит пролетариат»? (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7. Изд. 2-е, стр. 436).

²³ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 27.

²⁴ Впоследствии Фуггеры субсидировали Филиппа II для подавления Нидерландской революции.

нения Германии, которая исходила бы от аугсбургских ростовщиков, в то время как именно из среды бюргерства, объявляемого «естественным противником свободной конкуренции и единого рынка» (1957, № 8, стр. 138), вышло несколько программ политической централизации Германии?

А. Д. Эпштейн не может не видеть противоречия с историческими фактами, к которому приводит его истолкование деятельности монопольных торгово-ростовщических компаний в качестве прогрессивной силы и основной носительницы идеи политического объединения Германии в XVI веке. И тогда ясная мысль Энгельса о единстве внутренней сущности трех «великих революций старых времен» произвольно перетолковывается как противопоставление Реформации последующим буржуазным революциям в качестве некой «буржуазной революции без буржуазии».

Немецкое бюргерство не было в этой революции классом-гегемоном. Это верно в целом. Но разве можно сбрасывать со счетов, что на первом этапе, приблизительно 1517—1524 гг., когда лозунг церковной реформы объединил на борьбу все живые силы Германии²⁵, бюргерство стояло во главе движения? В борьбе с феодализмом большинство бюргерства не пошло дальше ломки старой церкви и потеряло руководящую роль. Восставшие массы отеснили бюргерство и на некоторое время сами возглавили революцию. Но разве подобная ситуация отличает единственно только Реформацию? Разве выполнила буржуазия роль гегемона в мартовской революции 1848 г. в Германии?

Реформация не была буржуазной революцией без буржуазии. Прав остается Энгельс: это была буржуазная революция при наличии буржуазии незрелой, неспособной на руководство антифеодальной революцией.

Все попытки А. Д. Эпштейна с помощью противопоставления терминов «Bürgertum» и «Bourgeoisie» доказать, что Энгельс тоже считал немецкое бюргерство XVI в. реакционной силой, враждебной революции, не выдерживают критики. Достаточно вспомнить, что в «Заметках о Германии» Энгельс прямо называет Реформацию «революцией немецкого бюргерства», и одновременно: «Revolution № 1 der Bourgeoisie».

При метафизическом подходе не помогут никакие переводчики. В каждом конкретном случае нужно раскрыть тот процесс «развития мелкого и среднего бюргерства в крупную буржуазию», о котором пишет Энгельс в «Людвиге Фейербахе»²⁶. Вот этого-то и не желают понять ни О. Г. Чайковская, ни А. Д. Эпштейн.

Дело в том, что концепции этих авторов, в сущности, очень близки. Они противопоставляют германскую Реформацию другим буржуазным революциям. При этом оба исходят из догмы, будто «настоящая» буржуазная революция возможна только при активной руководящей роли буржуазии и что таковы будто бы все буржуазные революции, кроме Реформации (1957, № 8, стр. 128).

Обе эти концепции отрывают от Реформации Крестьянскую войну как постороннее, чисто крестьянское движение, не выдвигавшее и не решавшее коренных национальных задач Германии, так как О. Г. Чайковская считает главным в общественном движении того времени бюргерскую церковную реформу, а А. Д. Эпштейн — деятельность купеческих монополий и централизаторскую политику императора Карла V.

При этом А. Д. Эпштейн не замечает, что Габсбурги, глубоко чуждые национальным интересам Германии, носившиеся с бредовой идеей создания всемирной католической «монархии», были совершенно неспособны действительно объединить Германию. Это могла сделать только победоносная борьба народа. Но судьба этой героической попытки была решена в 1525 году. Вся последующая грызня между отдельными князьями

²⁵ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 32, 39, 65, 70.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 377.

и имперской центральной властью была лишь пародией на Реформацию, трагикомическим результатом поражения народной революции и не могла ничего существенно изменить.

Дальнейшая реакционная эволюция Германии была предрешена не 1552, а 1525 годом.

Подведем некоторые итоги. История Реформации требует дальнейшего всестороннего исследования. Но оно может быть плодотворным только при правильности исходных методологических позиций.

Попытка О. Г. Чайковской пересмотреть сложившееся в нашей литературе понимание Реформации в Германии, в сущности, направлена против данной Энгельсом концепции Реформации как ранней буржуазной революции. Но только в свете этой марксистской концепции могут быть правильно поняты все сложные явления Реформации.

Хотя А. Д. Эпштейн в отличие от О. Г. Чайковской признает, что в Германии XVI в. имела место революция, это признание чисто внешнее. Что осталось в его схеме от революции? В сущности, только борьба императора против князей.

Таков действительный итог всего построения А. Д. Эпштейна.

Но Крестьянская война есть неотъемлемая, органическая и притом важнейшая часть Реформации в единственно правильном и цельном ее понимании как ранней буржуазной революции. Отрицание Реформации как буржуазной революции с необходимостью ведет к типичному для буржуазной историографии отрыву Крестьянской войны от Реформации, а это, в свою очередь, — к буржуазному пониманию Реформации как движения чисто идейного, теологического и притом только лютеровского.

Именно деятельность Мюнцера, неразрывно соединявшая в себе ярчайшее идейное творчество всей эпохи с активной революционной борьбой, с непосредственным руководством антифеодальной войной масс, убедительно опровергает буржуазную идею отрыва и противопоставления Реформации как религиозно-идейной борьбы и Крестьянской войны.

Такой отрыв неизбежно заводит в тупик неразрешимых противоречий, из которых нет выхода, пока исследователь в важнейшем вопросе остается на позициях буржуазной историографии, пока он под Реформацией понимает только «борьбу буржуазии против церкви», или бюргерскую идеологию церковной реформы, как идейное движение вообще.

Все «неразрешимые противоречия» в наших представлениях отпадут сами собой, как только мы будем рассматривать самый исторический факт во всей его внутренней противоречивости.

Реформация — это сложный и многообразный, исполненный глубоких противоречий, единый процесс ранней буржуазной революции в Германии. В раскрытии единства и противоречивости этого процесса — сила стройной, монолитной концепции Реформации у классиков марксизма-ленинизма. Только рассматриваемые с этих позиций все большие и малые явления в истории ранней буржуазной революции в Германии XVI в. могут получить правильное освещение.